

— Чёрт, — тихо выругался Лиам. Даже малейшее движение челюстью теперь причиняло боль. Костлявые кулаки Юй Минлана — это вам не шутки. Он провёл языком по зубам: один, кажется, слегка шатался.

От пола до крышки унитаза он добирался целых полминуты.

— Лиам? Лиам?

Звукоизоляция в туалете была неплохой, но оглушительная музыка всё равно пробивалась сквозь стены. Лиам, пьяный и с ударенной головой, не сразу сообразил, что его зовут. Показалось, что галлюцинирует. Но голос повторил ещё дважды, становясь ближе:

— Лиам?

Тот, кто звал, уже был рядом. Слышно было, как грубо распахивается дверь соседней кабинки. Лиам откинулся на холодную плитку, схватил рулон туалетной бумаги со стены и стал смахивать кровь с носа.

В дверном проёме возник рыжеволосый парень в сером худи, лицо его выражало шок. Это был Джеймс, один из их компании. Его рука всё ещё сжимала дверную ручку, и вид Лиам явно его ошеломил.

Джеймс распахнул дверь шире и бросился к нему:

— Боже, как ты до такого дошёл?

Лиам оскалился в улыбке, обнажив зубы с пятнами крови. Опираясь на руку Джеймса, он сел поудобнее и знаком велел ему не двигаться.

Джеймс оторвал ещё бумаги и прижал к его носу, отчего Лиам резко втянул воздух от боли.

— Как это случилось? Вы же только зашли...

Последние слова прозвучали с намёком и двусмысленностью. Лиам понял, о чём он, и указал пальцем на стену. Прямо под рукой Джеймса на кафеле виднелась белесая жидкость, медленно стекающая вниз.

Глаза Джеймса округлились, и он тут же отпрыгнул подальше от этого места. Он прекрасно понимал, что это было. Швырнув рулон бумаги в Лиам, он выругался:

— Чёрт! Я чуть не замарался, понимаешь?

Лиам притянул его голову к себе и впился губами в покрасневшие от выпивки губы парня, ощутив вкус пива. Лизнув их, он опустил голову на шею Джеймса и спросил:

— Где Юй?

Джеймс застонал, пытаясь развернуться для поцелуя, и невнятно пробормотал:

— Только что ушёл. Сказал, что дела. Велел мне найти тебя в туалете.

Лиам не стал отказывать. Он всегда был тем, кто не отказывает. Если кто-то сам идёт в руки, почему бы и нет? Он обхватил парня за талию и усадил к себе на колени, прижимаясь к нему.

Джеймс тихо засмеялся, вцепился пальцами в волосы Лиамы и, когда тот начал целовать его шею, вдруг сказал:

— Не лезь к Юю. Его отец — не тот, с кем стоит связываться.

Движение Лиамы замерло. В голове всплыл образ: пьяные, влажные глаза Юй Минлана, которые, казалось, могли затянуть в свою пучину. Внезапная волна раздражения накатила на него, и он вцепился зубами в ключицу Джеймса, словно ворча:

— Понял. Китайцы — это сплошная головная боль.

Юй Минлан, держа куртку на сгибе руки, вышел из бара. У входа несколько барменов, пошатываясь, о чём-то болтали. На улице он перекинул куртку через руку. Был декабрь, начало лета в Мельбурне, и верхняя одежда уже не требовалась. Юй Минлан поднял глаза к небу — оно было совершенно чёрным. Наверное, около восьми вечера. В Китае сейчас пять дня.

Он достал из кармана телефон и взглянул на экран. Как и ожидалось, через полтора часа позвонит Юй Чжэнъянь. Это был их еженедельный звонок, каждый вечер пятницы, около половины десятого. Хотя говорить им было особо не о чём, отец никогда не пропускал этот ритуал. Как в детстве, когда он без устали усаживал сына за стол перед ужином.

Квартира, которую Юй Чжэнъянь снял для него, была недалеко, всего три квартала. Перед тем как подняться, Юй Минлану вдруг захотелось купить что-нибудь попить. Внизу работал круглосуточный супермаркет — очень удобно.

Возвращаясь с пакетом, он услышал, как кто-то разговаривает по телефону через дорогу. Голос был негромким, но язык — чистейший китайский. В тот миг, когда знакомые звуки достигли его ушей, он замер, а взгляд сам потянулся в ту сторону. За границей, кроме их домработницы, он редко слышал родную речь, особенно в их районе, где китайцев было немного.

Встретить соотечественника на чужбине — радость для любого китайца. Но Юй Минлан просто стоял на своём тротуаре и молча наблюдал за тем человеком. Тот, кто говорил, был, судя по всему, молодым китайцем, в чёрном худи с белой надписью «good». Он стоял под фонарём, его высокая и стройная фигура отбрасывала длинную тень. Разглядеть лицо было нельзя — капюшон был надет, и тень от козырька падала точно на него, оставляя лишь смутный силуэт.

Но в целом выглядел он... неплохо.

Тот только мычал в трубку: «Угу», «Ага», почти не говоря развёрнуто. Юй Минлану просто понравился его голос — ровный, словно удары пальцев по клавишам пианино, отзывающиеся где-то внутри. Он невольно задержался, слушая.

Домработница вышла выносить мусор и увидела его, застывшего столбом у входа.

Она окликнула его, выбрасывая пакет в бак:

— Молодой господин?

Юй Минлан очнулся и отозвался.

Она взяла у него пакет:

— Почему стоите здесь? Не идёте домой?

Он улыбнулся:

— Купил кое-что.

Домработница пошла впереди, что-то оживлённо рассказывая. Когда Юй Минлан обернулся, под фонарём уже никого не было. Только одинокий мусорный бак стоял в луже жёлтого света.

«Встретить здесь соотечественника — большая редкость», — подумал он. Особенно того, кто говорит на таком чистом путунхуа.

Как и ожидалось, вскоре после возвращения, едва стрелки приблизились к половине десятого, домработница подала ему телефон:

— Молодой господин, звонит господин.

Юй Минлан, одной рукой открывая холодильник, другой взял трубку.

[Авторское примечание: Отмечаюсь!]

Он взглянул на мигающий экран. Там было написано: «Отец».

— Спасибо, — сказал он домработнице, зажав телефон между ухом и плечом. В руке у него был стакан ледяного молока, который он как раз подносил к губам.

С того конца провода донёлся голос:

— Минлан.

Отец и сын разделяли тысячи километров, но Юй Минлан почувствовал: интонация у Юй Чжэнъяня сегодня не такая, как обычно.

Он сделал глоток холодного молока, и белая полоска осталась у него на губах.

— Да, папа.

Как всегда, Юй Чжэнъянь спросил:

— Как дела?

Юй Минлан со стаканом в руке прошёл в свою комнату и закрыл дверь указательным пальцем свободной руки:

— Всё нормально.

На том конце провода наступила тишина, и в трубке слышались лёгкие постукивания: «тук-тук». Юй Минлан знал: когда отец барабанит пальцами по столу, он о чём-то думает. «Есть вопрос», — понял Юй Минлан.

Так и вышло. Он услышал:

— Ты был в баре?

В уголке рта Юй Минлана дрогнула улыбка. Люди отца его видели. Конечно, такой человек, как Юй Чжэнъянь, не мог оставить своего единственного сына без присмотра в чужой стране. Ещё в первый месяц после переезда Юй Минлан понял, что за ним следят.

<http://bllate.org/book/15288/1350654>